К. Бальмонт. Несобранное и забытое. Из творческого наследия. В 2 тт. / Сост., ст., примеч. и коммент. А. Ю. Романова. Т. 1: Я стих звенящий: Поэзия. Переводы. 639 с. Т. 2: Черчу рассказ я: Проза. Душа Чехии в слове и деле. 830 с. СПб.: Росток, 2016.

Так был ли Бальмонт революционером? Таким неожиданным вопросом задается в небольшой вступительной статье к 1-му тому издания чикагский профессор Роберт Берд и приводит некоторые факты биографии К. Б.: дважды на родине подвергался репрессиям, вынужден был скитаться по миру за то, что поддержал Московское вооруженное восстание 1905 года, приветствовал февраль 1917-го, сотрудничал в органах Наркомпросса, пока не задумался, а есть ли в новой России свобода слова и как бороться с «кровавыми лгунами»? Уже в августе 1917 года в Пятигорске Бальмонт написал стихотворение «Не собрал я этим летом Божьей жатвы», в котором ясно проступают ноты разочарования в прежних идеалах («Этим летом — я Россию разлюбил»). Позднее Анна Иванова, с которой поэт был тогда близок, процитирует стихотворение в своей рижской статье «Ответ Бальмонта большевикам» («Сегодня», 1921, 31 мая; сокращенный текст — на страницах I, 525—528).

Бальмонт, «королевский расточитель» своего дарования, «раз установив свою лирическую систему», «остается верным ей до конца дней», в отличие от модернистов (I, 6). В I томе, составленном из малоизвестных и неопубликованных стихотворений поэта, собрано большое количество текстов как Бальмонта тех лет, «когда его свежее своеобразие еще не было опорочено будущей водянистой искусственностью...» [Пастернак: 394—395], так и Бальмонта-эмигранта. Чем-то высказывание Пастернака перекликается со строками Бальмонта из стихотворения «Не говорите мне...», опубликованного в «Последних новостях» в Париже (1921, 15 мая): «Все говорил я сам, но вот теряю слово» (I, 231).

Отдельный раздел составляют переводы, подчеркивающие широчайший круг интересов Бальмонта-переводчика. Здесь и Н. Ленау (его поэзией Бальмонт увлекался в начале 1890-х, о чем вспоминал на страницах своего эссе «Видящие глаза» — Последние известия. Ревель, 1922, 17 марта), и Перси Биши Шелли, и Данте, и Гете, и другие «бессмертные духи, побывавшие на нашей Земле» (так Бальмонт называл великих поэтов прошлого), и болгарские калядные песни, и переводы с сербского. Одним словом, «почти 500 поэтических и около ста переводных текстов» (I, 477).

Как отмечает составитель, более 60 текстов обязаны публикацией в данном двухтомнике К. Азадовскому — его публикации в Новом литературном обозрении (2008, №1) «Дополнений к “Библиографии К. Д. Бальмонта”». Помимо Азадовского для работы над

изданием привлекались ученые из разных городов России и Европы (их обширный список приведен на с. 480, I). Примечательно, что многие из них принимали участие и в составлении двухтомной библиографии Бальмонта, вышедшей в Иванове (I — 2006, II — 2008) и существенно облегчившей изучение творчества «поэта с утренней душой» (цитата из вступительной части примечаний и комментариев — I, 479).

В первом томе — *две* вступительных статьи. После Берда слово берет А. Романов, в чьей статье поставлен вопрос о «миге и вечности в поэтическом пантеизме» Бальмонта, о категории времени в поэтическом тексте. Однако вопрос этот в первой части работы несколько задвинут на второй план сознательным жанровым смещением — к разгромной критической рецензии, мишенью для которой становятся разные «исследователи» творчества Бальмонта, «сочинители сомнительных предисловий» (I, 18), которые «Бебеля от Гегеля отличить не могут» (I, 19). На этом этапе разговора статья отчетливо приобретает черты памфлетности (уместна ли она в жанре вступительной статьи?) — автор выносит суждение о работе И. Владимирова и В. Макарова, участвовавших в издании семитомного собрания сочинений Бальмонта в 2010 году, и сетует на то, что ни тот ни другой «никоим образом не заявили себя в бальмонтоведении» и «не питают к поэту ни любви, ни ненависти...» (I, 16). Действительно, стоит только посочувствовать невежеству авторов некого предисловия, полагавших, что Бальмонт хорошо жил при режиме большевиков (I, 18), ведь достаточно прочитать воспоминания жены поэта Е. Андреевой-Бальмонт, чтобы убедиться в обратном. На мемуары Андреевой-Бальмонт ссылается на страницах 24—25 и А. Романов, правда, по иному поводу — цитируя мнение Андреевой о Бальмонте-поэте, его «космической цельности»: Бальмонт «жил мгновением и довольствовался этим...». Об этом хорошо сказано и у самого поэта: «В глубине твоих задумчивых очей / Я ловлю сиянье гаснущих лучей. / Мимолетное живет в них каждый миг» (I, 23). По Романову, мир Бальмонта в одно и то же время и един, и дуалистичен: «...реальное — трансцендентальное, эмпирическое, предметное — идеальное <...> все это начала принципиально нерасчленимые» в творчестве поэта (I, 27). «Для Бальмонта нет времени — того обычного времени, измеряемого минутами, днями и годами. Его время измеряется вечностью и мгновением», — цитирует Романов слова М. Волошина (I, 29). Однако по прочтении статьи возникает вопрос: как изменилась для Бальмонта концепция времени после эмиграции, разделившей его жизнь на две неравные части?

Особую ценность II тома, содержащего два раздела (публикации отечественные и зарубежные), представляет книга очерков «Душа Чехии в слове и деле», опубликованная на русском языке впервые (рукопись была найдена в Пражском госархиве в 1994 году И. Цаму-

талиевой и подготовлена к печати чешской исследовательницей Д. Кшицовой, к сожалению, ушедшей из жизни в январе 2017-го). Комментарий к 18 эссе Бальмонта столь основателен, что занимает почти 40 страниц (II, 756—795). Внутри комментария встречаются любопытные переклички. Так, эссе 3 посвящено Ярославу Врхлицкому, наследие которого составляет целую библиотеку — масштабы работы, сопоставимые с бальмонтовскими. Стихотворения чешского поэта, как известно, вызвали гневную оценку Вл. Ходасевича, назвавшего Врхлицкого дилетантом, у которого «множество банальностей, общих мест, расплывчатостей...» («Возрождение», 1928, 18 октября; цит. по II, 763). В этом отзыве — и скрытый выпад против самого Бальмонта, который откликнулся резким и довольно необъективным «Чешским ответом В. Ходасевичу», обвинив, в свою очередь, «литературного обозревателя “Возрождения” в том, что он не имеет никакого понятия о чешской культуре» (II, 767).

Среди отечественных публикаций 1892—1916 годов — короткие рецензии Бальмонта об Ибсене, драмах Бьерсона, разные театральные заметки, афоризмы, эссе об англичанах и др. — обилие имен впечатляет своей пестротой. О важности двух текстов в этом списке хочется сказать отдельно. Речь идет о двух эссе по английской литературе, которую Бальмонт хорошо знал, — об О. Уайльде и о П. Б. Шелли. «Сердце сердец» — назвал К. Б. свой небольшой текст о любимом английском поэте, которого страстно и много переводил в 1890-е годы. Эпиграф к тексту — по-французски, строки из работы Феликса Рабба, исследователя и переводчика, первым открывшего Шелли для французского читателя. Слова Рабба переведены в комментарии на русский язык: «Это поэт, которого нельзя читать, не любя его, и которого нельзя любить без желания по его примеру стать великодушнее» (цит. по II, 661). В эссе чувствуется Бальмонт-символист — смерть и жизнь Шелли (именно в таком порядке. — *Е. Л.*) осмыслены символически, эссеист стремится создать мистический образ Шелли всей палитрой поэтических красок. Особенное настроение создается в описании похорон поэта, проходивших «в величественной и пустынной местности» (II, 13): «Спокойно было тихое море с своей безграничной светлой лазурью, с живописными абрисами островов — Капри, Горгоны и Эльбы <...> Когда же труп сгорел и от костра остались одни головни, лица, наблюдавшие за погребальным торжеством, увидели нечто странное, необъяснимое: сердце Шелли осталось целым, огонь пощадил его» (II, 14). Здесь и там возникают элементы загадочного и фантастического, ибо и сам Шелли — «таинственный дух, который на короткий момент покинул небесные сферы» (II, 14). Добившись желаемого эффекта, Бальмонт бросает «беглый взгляд на внешние условия жизни Шелли» (II, 15), воссоздавая детали его биографии и рассуждая о поэтических достоинствах Шелли-романтика. Это небольшое эссе, напечатанное в «Русском вестни-

ке» в 1892 году (23 октября, № 293) и никогда более не печатавшееся до включения в рецензируемый двухтомник, — важнейший текст, позволяющий понять отношение Бальмонта к личности и творчеству Шелли, наряду с критическим очерком Брандеса, перевод которого Бальмонт выпустил в «Эпохе» (1888, кн. 1) за подписью К. Б. и никогда более не перепечатывал. Жаль, что Брандес не включен в настоящее издание, ведь именно этот текст был для Бальмонта одним из первых источников знания об английском «таинственном духе».

Второе эссе — об Уайльде, модном в России нулевых годов XX века, скандально известном в Англии и за ее пределами писателе, осужденном английским обществом за право быть самим собой. Эссе «Об Уайльде», как сказано в комментарии, печатается по «Золотому руну» (1906, № 2). Также указано, что в 1908-м оно вошло в книгу Бальмонта «Белые зарницы». Однако в этом же году Бальмонт включил данный текст в свои «Книголюбительские приложения» из 4 небольших эссе («Саломея в польской призме», «Об Уайльде в России», «Об Уайльде», «Книги об Уайльде»), сопровождавшие перевод «Саломеи» (книга вышла в изд. «Пантеон») и представлявшие собой одно целое, по мысли Бальмонта. Поэтому републикация только одной частички этого квадрата кажется недостаточной.

На задней крышке второго тома — стихотворение Бальмонта «Люблю чуть зримых малых тварей...», которое завершается таким четверостишием: «И запоздавшему столетью, / Его предчувствуя в тоске, / Черчу рассказ я тонкой сетью / На мастодонтовом клыке». Бальмонт не знал тогда, что огромная часть его «рассказа» на долгие годы ляжет в пыльный архив. С выходом в свет рецензируемого двухтомника еще одна часть наследия Бальмонта наконец открылась для читателей «запоздавшего» — XXI — столетия.

Литература

Пастернак Б. Заметки переводчика // *Пастернак Б.* Собр. соч. в 5 тт. Т. 4. М.: Художественная литература, 1991. С. 393—395.

Bibliography

Pasternak B. The Translator's Notes // *Pasternak B.* Works in 5 vols. Vol. 4. Moscow: Khudozestvennaya literatura, 1991. P. 393—395. (In Russ.)

Елена ЛУЦЕНКО

Российская академия народного хозяйства,
Российский государственный гуманитарный университет